

Митрополит Волоколамский Иларион: «Дать новый импульс развитию церковной жизни»

– В чем, на Ваш взгляд, состоит отличие между светским и православным пониманием прав и свобод человека?

– Тема прав и свобод человека напрямую связана с вопросом о ценностях. У всякого человека есть права, но у каждого есть и ответственность перед собой, перед обществом, а как верующие люди мы скажем также – ответственность перед Богом. Как скоординировать данную нам свободу и ту ответственность, которая лежит на каждом человеке?

Свобода заключается в том, что каждый человек свободен жить, как он хочет, настолько, насколько это не вредит другим людям и не нарушает закон. Например, могут сказать, что каждый свободен выбрать для себя традиционную или нетрадиционную сексуальную ориентацию – с точки зрения либеральной морали это вполне нормально; но дальше возникает целый комплекс проблем, на которые ответить однозначно невозможно. Что значит собственный выбор? Насколько человек этим выбором может задеть других людей? Например, имеют ли однополые пары право регистрировать свои союзы на тех же основаниях, на которых регистрируются традиционные семейные пары? Вправе ли они усыновлять детей? Имеют ли право пропагандировать свой образ жизни? Если первое относится к сфере личных свобод, то все остальное, что за этим следует, уже касается сферы общественной нравственности, которая должна регулироваться не только личными предпочтениями человека, но и законами, нравственными установлениями и определенным кодексом чести.

Сейчас в некоторых странах однополые союзы полностью приравнены к традиционным бракам. Кое-где, например, вступление в однополый союз освобождает человека от воинской обязанности на тех же основаниях, на каких от нее освобождает вступление в брак. Есть страны, где однополым парам позволяется усыновлять или удочерять детей.

Недавно я прочитал информацию о том, что в Америке у однополых пары – двух женщин, усыновивших мальчика, – ребенок, достигнув возраста пяти лет, заявил, что хочет стать девочкой. Сейчас ему будут делать операцию по перемене пола. Как вы думаете, он это заявил потому, что действительно созрел для принятия столь ответственного решения, или потому, что эти две женщины внушили ему, что он не мальчик, а девочка? Ему сделают сейчас операцию, а потом он подрастет, может быть, задумается о том, что с ним произошло, но ведь обратного пути нет! Из приведенного примера мы видим, к сколь серьезным последствиям может привести внедрение

секулярных ценностей на общественном уровне.

Иными словами, каждый человек может жить, как он хочет, но если его образ жизни противоречит основополагающим нормам общественной нравственности (не обязательно даже религиозным) – тем нормам, по которым жило человечество на протяжении столетий, благодаря которым оно воспроизводилось в новых поколениях, – возникает очень много вопросов, и нам есть о чем задуматься.

– Сейчас в Западной Европе нарастают антихристианские тенденции. Например, в Англии женщину уволили за ношение нательного крестика, в Польше на чемпионат по футболу запретили приходить с крестами. Какова реакция Церкви на эти тенденции?

– Мы всегда реагируем на подобные инциденты: делаем заявления, встречаемся с политиками. Я постоянно езжу за рубеж (такова особенность моей должности) и, конечно, мы всегда говорим, что каждый человек имеет право не только принадлежать к той или иной религии, но и открыто об этом заявлять, в том числе носить религиозные символы, если считает это необходимым или если ему это нравится.

Воинствующий секуляризм, который нередко дает о себе знать в странах Западной Европы, а также некоторых других регионах мира, связан с представлением о том, что религиозные конфессии должны существовать в определенных установленных для них рамках, то есть в отведенных им гетто. Опасаются, например, что если сотрудница той или иной фирмы или авиакомпании носит крест, то это может вызвать раздражение у представителей других религий. Хотя на самом деле представители традиционных религий очень неплохо уживаются между собой там, где существуют для этого предпосылки.

Мы можем привести в пример опыт нашей страны, где на протяжении веков мирно сосуществуют представители православия и ислама, других традиционных религий, где присутствие религиозных символов в публичной сфере не вызывает раздражения.

К сожалению, совсем другие тенденции сейчас наблюдаются в государствах арабского мира, в странах так называемой «арабской весны»: сначала свержаются режимы, которые там существовали, причем свержаются под предлогом, что эти режимы антидемократичны, а потом на этих территориях просто наступают вакханалия и хаос. И те христиане, которые на протяжении веков жили в этих местах, сегодня оказываются под угрозой уничтожения; происходит массовый исход христиан из данного региона.

Эти проблемы постоянно поднимают наша Церковь, ее Священноначалие, Отдел внешних

церковных связей, который я возглавляю. Более того, мы призываем к созданию механизма, который вовлек бы политических лидеров в решение этой острой проблемы. Об этом я, в частности, сказал, на встрече представителей традиционных религий с тогда еще кандидатом в Президенты России, а ныне избранным президентом Владимиром Владимировичем Путиным.

– Недавно вышла книга академика Макарова «Социальный кластеризм», где автор в качестве самой важной структуры управления в государстве называет «кластер» священников, поскольку в этой части общества, пожалуй, меньше всего случайных людей. В связи с этим у меня такой вопрос: не планируют ли церковные структуры осуществлять публикации по вопросам управления?

- Какие-то такие книги по данной тематике существуют. В то же время должен отметить, что сообщество священнослужителей не полностью застраховано от проникновения случайных людей. К сожалению, такие люди есть и в нашей среде, они иной раз даже присутствуют в публичной сфере.

Если проводить параллели, то думаю, священников можно было бы сравнить с военнослужащими. Более того, я думаю, что у «кластера», как вы выражаетесь, священнослужителей были заимствованы очень многие элементы армейской службы. В обоих случаях в основе всего лежит принцип послушания и подчинения более высокому авторитету, то есть принцип иерархии. Точно так же, как в армии рядовой подчиняется сержанту, сержант – офицеру, офицер – генералу, и у священнослужителя, который сам по себе может являться свободным и, может быть, творческим человеком, на первое место всегда ставится послушание Церкви и выполнение того мандата, который Церковь ему вручила.

Труды по этой теме существуют, но, возможно, нам стоит задуматься о том, чтобы написать специальную книгу, в которой было бы показано, по каким признакам подбираются священнослужители и в чем основной принцип их служения.

– В последнее время мы становимся свидетелями многих реформ в Русской Православной Церкви. Интересно, чем они вызваны и какие цели преследуют?

– Реформа церковного управления, которую осуществляет Святейший Патриарх Кирилл, была задумана еще Поместным Собором 1917-18 годов. Но в то время по вполне понятным объективным причинам не было возможности ее осуществить: на протяжении многих лет Церковь была гонимой, а потом, уже после распада Советского Союза, был период возрождения, церковные структуры постепенно восстанавливались и достигли того уровня, на котором они находятся сейчас.

При выполнении этой реформы Святейшим Патриархом и церковным Священноначалием ставится совершенно определенная цель. Прежде всего, она заключается в том, чтобы дать новый импульс развитию церковной жизни, чтобы в тех местах, где архиерей уже создал основные структуры и открыл приходы, его силы не расплылись, чтобы он мог сконцентрироваться на центральной области. В тех же местах, где еще много предстоит работы, появляются новые архиереи, которые должны возводить кафедральные соборы, создавать епархиальные управления, открывать новые приходы. Они сами в этом заинтересованы, потому что получили в значительной степени еще «непаханую землю».

Мы привыкли говорить о том, что в течение последних двадцати и даже более лет продолжается церковное возрождение. Мы видим повсюду новые храмы, монастыри, но часто забываем о том, что это возрождение затрагивает по большей части лишь большие города и иной раз не доходит до так называемой глубинки, где нашим бездействием или недостаточной активностью пользуются секты и иностранные миссионеры. Они туда приходят, строят свои молитвенные дома. Это касается многих отдаленных регионов России – таких, например, как Дальний Восток или крайний Север, куда нередко сейчас ездит с Первосвятительскими визитами Святейший Патриарх. Посещая эти края, он воочию убеждается в том, что, хотя там кое-что уже сделано, но очень многое еще предстоит сделать.

Если какая-то епархия дробится на несколько мелких епархий и превращается в митрополию, то это связано либо с большим количеством приходов (один архиерей не в состоянии лично посещать 500 или 600 приходских общин), либо с тем, что она имеет слишком большую территорию, ибо сложно передвигаться по епархии, если от одного ее края до другого – пять часов лёта.

В таких случаях создаются новые епархии при сохранении старых структур, например, Самарская епархия превратилась в Самарскую митрополию. Это значит, что сохраняются те же самые территориальные границы, но архиерей областной столицы получает возможность сконцентрироваться на меньшем числе приходов и подведомственных учреждений. В то же время появляются два новых архиерея, занимающиеся теми городами и селами, на которые раньше обращалось не так много внимания. При этом старший архиерей – митрополит – остается координирующим звеном в цепи.

Эта административная реформа уже, как показывает практика, приносит свои добрые плоды.

– Сегодня Вы побывали на строительной площадке, где возводится здание Православного института. Чем важен проект именно такого масштаба?

– Поволжский православный институт – это грандиозный проект, который, когда я приезжал сюда

в прошлый раз пять с половиной лет назад, существовал еще только в эскизе. Потом я видел проект уже нарисованным на бумаге, а сегодня впервые увидел стены, возведенные пока на 70 процентов; однако уже сейчас можно говорить о том, что проделана огромная часть работы.

Почему важно, чтобы такой институт существовал? Потому что каждое такое учебное заведение, а пока их совсем не много (всего два и оба в Москве), является очагом не только духовности, но и культуры, образования. Именно в таких учебных заведениях формируется наша духовная и интеллектуальная элита. Причем надо понимать, что это не духовная семинария или академия, это не учебное заведение, предназначенное исключительно для воспитания священнослужителей. Это вуз очень широко профиля, который будет давать знания в самых разных областях гуманитарной науки. И в этом смысле, конечно, идея Поволжского православного института уникальна. Это в хорошем смысле слова амбициозная, грандиозная идея.

Важно, чтобы руководство города и области и, конечно, руководство Волжского автозавода в еще большей степени осознано значимость проекта и помогло осуществить его в сжатые сроки, дабы эта стройка не затягивалась на годы из-за того, что нас постигнет очередной кризис, или из-за равнодушия чиновников, или еще по каким-то иным причинам.

– Сейчас в программу общеобразовательных школ будет внедряться новый предмет «Основы религии». На ваш взгляд, кто этот предмет должен преподавать? Какова роль Русской Православной Церкви в педагогическом процессе?

– Очень хорошо, что появилась возможность преподавания «Основ религиозной культуры и светской этики» в школах. Но того, что сделано, далеко не достаточно: во-первых, курс этот предполагается читать только четвероклассникам, во-вторых, преподавать данный предмет в большинстве случаев будут люди малосведущие, малокомпетентные. В лучшем случае они проходят двухнедельный курс базовой подготовки, некоторые начинают с нуля. Могли бы вы преподавать математику, если сами всего две недели изучали математику? Почему-то считается, что религиозные дисциплины преподавать таким образом можно.

Думаю, что в конечном итоге должна сложиться ситуация, когда за преподавание религиозных дисциплин в школах будут нести ответственность религиозные конфессии. Я шесть лет жил в Австрии – это вполне секулярная демократическая западная страна, но в каждой школе, причем в каждом классе среднего учебного заведения, ведется преподавание религии; преподают этот предмет священнослужители соответствующих конфессий. Если в школе учатся хотя бы двое или трое православных, то приглашается православный священник, который преподает им религию в течение всех лет обучения в школе и получает за это от государства зарплату.

Непонятно, почему в секулярной западной Австрии православные дети, которые учатся в светской школе, имеют возможность изучать Православие, и преподает его православный священнослужитель, а в нашей стране, где более семидесяти процентов населения исповедуют православную веру, священник или мирянин, получивший мандат не от светского министерства, а от Церкви, не может быть преподавателем соответствующего направления курса «Основы религиозной культуры». Я думаю, что со временем эта ситуация должна корректироваться. И конечно, преподаваться религиозные дисциплины должны не только в четвертом классе, но и в других классах школы.

- Недавно на экраны вышел фильм Павла Лунгина «Дирижер». Не секрет, что Вы принимали участие в написании музыки к этой ленте. У Вас есть план продолжить сотрудничество с режиссером и в принципе продолжать писать музыку для русских фильмов?

- Фильм «Дирижер» явился плодом творческого содружества между Павлом Семеновичем Лунгиным и мною. Но должен сказать, что в данном случае музыку для фильма я не писал – скорее, фильм был создан для музыки. Обычно ведь снимается кинокартина, а под нее пишется или подбирается музыкальное сопровождение. В случае с фильмом «Дирижер» первичной была именно музыка, а фильм был создан на основе музыкального произведения, которое само по себе является частью сюжета картины.

Конечно, мое нынешнее положение не позволит мне создавать музыку для фильмов и, может быть, даже писать музыку вообще, потому что свободного времени для этого практически нет. Но если режиссер какого-то фильма захочет использовать мою музыку, я возражать не буду.

– Расскажите о творческой судьбе оратории «Страсти по Матфею»...

- Оратория «Страсти по Матфею» была написана в 2006 году. С тех пор она исполнялась около сорока раз в разных городах России и во многих зарубежных странах. Всякий раз я замечал, что вне зависимости от того, какова аудитория, на каком языке люди говорят и к какой вере принадлежат, это произведение вызывало живой отклик. Я думаю, что это связано, прежде всего, с тем, что в оратории «Страсти по Матфею» первичен сюжет, он универсален и принадлежит всему человечеству, на него откликается душа всякого человека, даже нецерковного.

Музыка, которая звучит в оратории, основана на православной традиции, она родилась из моего личного опыта не столько как музыканта, композитора, сколько как священнослужителя. Через нее я старался передать людям духовные чувства и настроения, которые мы испытываем, когда участвуем в богослужениях Страстной седмицы. Мне хотелось атмосферу храма перенести на

сцену театра, чтобы хотя бы на один вечер концертный зал или театр превращался в храм Божий, где люди не развлекаются, но молятся и славят Бога.

– Считаете ли Вы, что армия должна быть профессиональной, или в ней должен быть сохранен призыв?

– Я считаю, что служба в армии полезна для молодого человека, хотя не для всякого и не в любых обстоятельствах. Я сам служил в армии два года, еще в советское время, и в моем становлении как человека, как мужчины служба сыграла важную роль. Попав в армию, я впервые оказался в агрессивной среде, где меня окружали чуждые мне по духу люди, в том числе такие, чье мировоззрение не совпадало с моим, в частности, люди нерелигиозные. Но это был очень важный и незаменимый опыт возмужания и взросления.

Почему я говорю, что это полезно не всегда и не для всех? Потому что, к сожалению, в нашей армии не преодолены до сих пор проблемы, из-за которых служба сопряжена для молодого человека с риском потерять здоровье – как физическое, так и духовное. К сожалению, в нашей армии распространены те же пороки, которые существуют вообще в молодежной среде, – наркомания, алкоголизм, дедовщина.

Для того чтобы идти в армию, юноше нужно быть уже духовно крепким и закаленным человеком. Нет более серьезной внутренней силы, чем вера в Бога. Именно вера помогает человеку пройти через жизненные испытания, в том числе те, с которыми неизбежно сопряжена служба в армии.

– Что бы Вы могли сказать о подписании договора между Общецерковной аспирантурой и докторантурой и Советом ректоров вузов Самарской области? В чем его значение для светского общества?

– Общецерковная аспирантура и докторантура имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия – это высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, которое было создано по инициативе и по благословию Святейшего Патриарха Кирилла на первом же заседании Священного Синода после его избрания на Патриарший престол. На сегодня аспирантура имеет соглашение с целым рядом высших учебных заведений Российской Федерации и зарубежных стран.

Особенностью же данного соглашения является то, что нашим партнером в рамках документа является не просто один из самарских вузов, а все высшие учебные заведения Самарской области. Думаю, здесь есть чему поучиться и другим регионам. Не случайно именно в Самарской области создана межвузовская кафедра теологии, к которой подключаются все новые и новые

учебные заведения. Такой опыт нужно всячески приветствовать.

Опыт показывает, что там, где есть кафедра теологии, куда приходят священники и общаются со студентами, повышается дисциплина учащихся, меньше становится проблем, отравляющих жизнь нашей молодежи, – таких, как наркомания, алкогольная зависимость, курение. Таким образом, получается, что ничего, кроме пользы, подобные контакты между Церковью и системой образования принести не могут.

В этом отношении я думаю, что Самара и Тольятти, как и Самарская область в целом, подают очень добрый пример всей стране.

– Что Вы скажете о Православной классической гимназии города Тольятти?

– С большой радостью я вновь посетил эту гимназию, увидел кого-то из тех, с кем встречался пять с половиной лет назад. Вместе с тем я увидел и много новых людей, прежде всего, учеников младших классов, которые недавно начали свой долгий путь. Всегда думаешь об этом пути, каким он будет. Но когда смотришь на лица этих детей, когда видишь их преподавателей, становится не страшно за их будущее, потому что с самого начала вся жизнь этих школьников, их учеба находится в руках Божиих.

Уверен, что чем больше таких духовных учебных центров будет появляться в разных городах, тем лучше для всей нашей страны.

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/54351/>